

Оригинальная статья

УДК 316.43, 316.4.051

DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-8

Кублицкая Е. А.

Динамика процесса пост/де/секуляризации среди
молодежных групп московского мегаполиса

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
улица Фотиевой, дом 6, корпус 1, Москва, 119333, Россия
eakubl@yandex.ru

Аннотация. В данной статье анализируются мониторинговые показатели социологических исследований столицы России, характеризующие включенность молодежи в религиозные и секуляризационные процессы на протяжении последних 15 лет. В основу анализа положены данные мониторинга, проводимого Институтом социально-политических исследований и Институтом демографических исследований ФНИСЦ РАН в 2008-2021 гг. Проблемная ситуация связана с тем, что предмет исследования находится на стыке взаимодействия двух изменяющихся субъектов – молодежи и общества, а также двух культур – светской и конфессиональной. Общая рамка методологии исследования определяется концептами пост/де/секуляризации. Направленность процесса пост/де/секуляризации московской молодежи определялась через фиксированную систему показателей, включающую: уровень традиционной религиозности и атеистичности молодежных групп; уровень «невоцерковленной», внеконфессиональной религиозности молодежи; динамику пост/де/секуляризации молодежных групп; включенность возрастных групп молодежи в культовую активность. Отмечается, что материалы социологических данных последних лет продолжают выявлять тенденцию постепенного снижения уровня традиционной религиозности и «воцерковленности» молодого поколения столичного мегаполиса. Культовая активность не превышает среди столичной молодежи 7-8%, тогда как у населения в целом она находится на уровне 10-11%. В то же время доля религиозной «внеконфессиональной» молодежи за пять лет возросла. В целом религиозная ситуация в молодежной среде, как и в обществе, характеризуется размывание границ между религиозным и секулярным сознанием: снижением уровня и степени религиозности с повышением атеистических настроений. Было определено, что самые распространённые мотивы проявления культовой деятельности обусловлены не религиозными, а этнокультурными факторами. Исследователи на основании методолого-методических принципов фиксируют продолжение отрицательной динамики в развитии десекуляризации, констатируя восстановление процесса секуляризации молодежи московского мегаполиса.

Ключевые слова: церковь; религиозные организация; религия; конфессия; секуляризация; уровень и степень традиционной религиозности и атеистичности; «воцерковленность»; внеконфессиональная религиозность⁴ культовая активность; молодежные группы

Благодарность: статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (поручение Президента Российской Федерации № ПР-71 от 16.01.2020 г.).

Информация для цитирования: Кублицкая Е. А. Динамика процесса пост/де/секуляризации среди молодежных групп московского мегаполиса // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 103-115. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-8.

Original article

Elena A. Kublitskaya

Dynamics of the post/de/secularization process among the youth groups of the Moscow metropolis

Institute of Demographic Research, Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
119333, bld. 1, 6 Fotieva St., Moscow, Russia
eakubl@yandex.ru

Annotation. This article analyzes the monitoring indicators of sociological studies of the capital of Russia, characterizing the involvement of young people in religious and secularization processes over the past 15 years. The analysis is based on monitoring data conducted by the Institute for Socio-Political Research and the Institute for Demographic Research of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences in 2008-2021. The problematic situation is related to the fact that the subject of research is at the intersection of the interaction of two changing subjects – youth and society, as well as two cultures – secular and confessional. The general framework of the research methodology is defined by the concepts of post/de/secularization. The orientation of the process of post/de/secularization of Moscow youth was determined through a fixed system of indicators, including: the level of traditional religiosity and atheism of youth groups; the level of "unchurched", non-confessional religiosity of youth; dynamics of post/de/secularization of youth groups; involvement of youth age groups in cult activity. It is noted that the materials of sociological data of recent years continue to reveal a trend towards a gradual decrease in the level of traditional religiosity and "church-mindedness" of the young generation of the capital metropolis. Cult activity among the capital's youth does not exceed 7-8%, while among the population as a whole it is at the level of 10-11%. At the same time, the share of religious "non-confessional" youth has increased over the past five years. In general, the religious situation in the youth environment, as well as in society, is characterized by blurring of the boundaries between religious and secular consciousness: a decrease in the level and degree of religiosity with an increase in atheistic sentiments. It was determined that the most common motives for the manifestation of cult activity are due not to religious, but to ethno-cultural factors. Based on methodological and methodological principles, researchers record the continuation of negative dynamics in the development of desecularization, stating the restoration of the process of secularization of the youth of the Moscow metropolis.

Keywords: church; religious organization; religion; denomination; secularization; level and degree of traditional religiosity and atheism; "churching"; non-confessional religiosity; cult activity, youth groups

Acknowledgment: The article was prepared within the framework of the Program of Fundamental and Applied Scientific Research "Ethnocultural Diversity of Russian Society and Strengthening the All-Russian Identity" (Order of the President of the Russian Federation No. PR-71 dated 16.01.2020).

Information for citation: Kublitskaya, E. A. (2022), "Dynamics of the post/de/secularization process among the youth groups of the Moscow metropolis", *Research Result. Sociology and management*, 8 (3), 103-115. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-8.

Введение (Introduction). Проблематика исследования процесса пост/де/секуляризации в светском обществе, воспроизводства религиозных и атеистических установок в молодежной среде является одной из наиболее актуальных, находясь на стыке взаимодействия двух изменяющихся субъектов – молодежи и общества, а также двух культур – светской и конфессиональной. Светская культура является источником формирования современного типа сознания, в то время как конфессиональная отвечает за воспроизводство традиционных установок. Усиление культурного и политического влияния религии в российском обществе, возвышение позиций Церкви, отмечавшееся на протяжении последних десятилетий, вносило существенные изменения в соотношение светского и религиозного в сознании современных молодых людей.

Процессы, которыми характеризуются эти изменения, описываются в терминах пост/де/секуляризации. Этот процесс протекает неоднозначно. Изменчивость, лабильность структур сознания молодежи и ее ориентаций, а также подвижность, наблюдаемая в отношении к религии и Церкви, вносят противоречивость в формирование и воспроизводство религиозности и атеистичности. С одной стороны, институты религии заняли прочное место в системе общественных отношений; с другой стороны, интерпретировать происходящие процессы как «религиозный бум» нет существенных оснований.

Как показывают исследования, с начала 2000-х годов снижение уровня религиозности, заметный рост критицизма и, как следствие, изменение оценки роли

Церкви и деятельности других традиционных религиозных организаций стали значимым трендом. Одна из причин этих изменений – идеализация религиозных организаций, высокие ожидания в их адрес в части возможностей переустройства жизнедеятельности россиян, включения в жизнь людей и оказания им помощи и поддержки. От религиозных организаций многие ждут массовой благотворительности, не обнаруживая которую, терпят разочарование.

Вторая причина – историческая, и связана с особенностями социализации, происходившей в условиях нарушенной еще в советское время преемственности православной религиозной традиции. Даже известный религиозный ренессанс 90-х годов осуществлялся в условиях секулярных общественных отношений. Поэтому и приобщение к религиозным традициям происходило крайне противоречиво. Во всех сферах доминировало секулярное сознание. А религия приняла на себя функцию «демонстративной идентичности», как способа отразить свою национально-культурную принадлежность.

Однако нельзя не признавать, что религия продолжает играть роль нравственного ориентира, причем не только для старшего поколения, но и для определенной части молодежи. Отчасти это связано с активным духовно-нравственным поиском, присущим молодежи, но в большинстве случаев так проявляется жажда новизны. Поиск «нового» молодежью происходит во всех сферах общественной жизни, в том числе и религиозной. Движимая инновационными установками, она принимает саму идею религиозности, но это не означает

следования каноническим традициям и ин-терриоризацию ценностей, т.е. все то, что составляет основу так называемых «консервативных» конфессий. Молодое поколение переосмысливает религию и Церковь, изменяет мировоззренческие позиции в отношении взаимодействий Церкви и государства, роли и места религии в обществе, оппозиции религии и атеизма, конкретных религиозных идей и их сторонников. Причиной такого переосмысления становится несоответствие между социальной реальностью и объяснительными моделями, выдвигаемыми с религиозных позиций. Особенно это касается традиционных религий. Они не дают исчерпывающих объяснений и оправданий многим негативным явлениям и процессам общественной жизни. Обнаруживаемые недостатки настраивают молодых людей на поиск объяснительных схем и ответов на актуальные вопросы в нетрадиционных верованиях и религиозных течениях. Отсюда интерес молодежи к неохристианским религиозным течениям, эзотерике, неоязычеству, иным духовным практикам. Так религиозный интерес в молодежной среде обретает новый смысл и форму, более близкие субкультуре.

Методология и методы (Methodology and methods). *Исследовательский контекст и эмпирическая база.* Исследовательские рамки статьи отражают методологические и методические принципы изучения религиозности и атеистичности (показатели которых характеризуют в целом развитие или стагнацию секуляризации общественных отношений), сформулированные автором в 1990 и уточненных в 2009 годах (Кублицкая, 1990: 95-103; Кублицкая, 2009: 96-107).

Основные принципы:

- главное основание дифференциации религиозного и нерелигиозного населения – наличие или отсутствие веры в существование сверхъестественных сил. Этот критерий является общим и фундаментальным показателем религиозного сознания, а показатели представления о боге и других

догматах религии в исследованиях социологами религиоведами не имеют универсального характера (Угринович, 1976), (Лопаткин, 2010: 266-272), (Гаврилов, 2005: 46-56), (Яблоков, 1979), (Андреева, Андреева, 2010: 95-98), (Дубограй, 2007: 130-136), (Лебедев, 2007: 87-97; Лебедев, 2020: 85-104), (Локосов, Синелина, 2008), (Гараджа, 2007), (Ивлева, Курилов, Россман, 2018: 481-493), (Чеснокова, 2005), (Мчедлов, 2005), (Возьмитель, 2007: 110-117), (Тошченко, 2016);

- при определении *уровня религиозности* населения можно обходиться показателями и индикаторами религиозного сознания, а при *измерении степени религиозности* и «*воцерковленности*» населения принцип необходимого сочетания показателей, определяющих религиозное сознание и поведение, *остается неизменным в своей сущности;*

- применяется сбалансированная система показателей, отражающая как религиозную, так и атеистическую убежденность. Только в этом случае можно получить достоверную информацию об уровне и степени религиозности и атеистичности населения и социальных групп.

Нашими исследователями при изучении пост/де/секуляризационного процесса строго учитывается факт «латентной» атеизации населения. А также постоянно уточняются показатели атеистического, нерелигиозного сознания и поведения.

Социологический мониторинг указывает, что показатель «самооценки» в постсоветский период «заработал» у религиозного населения, так как уже нет причин скрывать свои убеждения, и в то же время он оказался недостоверным при определении нерелигиозного населения. Так как, если раньше верующие скрывали свои религиозные убеждения, то сейчас мировоззренческие позиции атеистов зачастую подвергаются остракизму. Поэтому часть нерелигиозных респондентов при самоидентификации по отношению к религии и ате-

изму относят себя к группе «колеблющихся» или «затрудняются ответить», или просто уходят от ответа.

Динамика отношения к религии и атеизму определялась через эмпирические показатели самооценки изменения позиции респондента в течение жизни в оппозиционной паре терминов «верующий – неверующий». Например, мотивы религиозного участия в «воцерковленной» деятельности фиксируются с помощью номинальной шкалы с признаками, характеризующими различные причины и факторы от церковного императива и религиозной мотивации до эстетического переживания.

Эмпирические индикаторы и показатели замера проявлений религиозности на уровне поведения, содержат широкий перечень форм культовой религиозной деятельности: посещение храма (церковь, мечеть, молитвенный дом), совершение ритуальных обрядовых действий (причастие, исповедь, молитва, пост) и т.д. При этом шкалы были единообразными и отражали степень регулярности совершения подобных ритуалов («часто», «иногда», «никогда»).

Следовательно, схема логического анализа предполагает последовательное сведение к определяемому индексу ту или иную типологическую группу («верующий», «колеблющийся», «неверующий», «атеист»). Вышеизложенные методологические принципы представляют собой основу для формирования выводов о процессе пост/де/секуляризации в социальной группе молодежи, то есть уровня включенности молодежи в религиозные и секуляризационные процессы.

Направленность процесса пост/де/секуляризации московской молодежи определялась через:

- уровень традиционной религиозности и атеистичности молодежных групп;
- уровень «невоцерковленной», внеконфессиональной религиозности молодежи;
- динамику пост/де/секуляризации молодежных групп;

– включенность возрастных групп молодежи в культовую активность.

Эмпирическая база тематического анализа – результаты мониторинга социологических исследований г. Москвы, проводимых в ИСПИ ФНИСЦ РАН и ИДИ ФНИСЦ РАН с 1996 года на основе репрезентативной квотной выборки со связанными параметрами. Метод сбора первичной информации – самозаполняемый опросник. Система показателей и эмпирических индикаторов религиозности и атеистичности в постсоветский период была неизменна, что позволило фиксировать характеристики пост/де/секуляризации (религиозности-атеистичности) населения и молодежи в сравнительной перспективе.

Выбор столичного мегаполиса в качестве эмпирического объекта анализа обусловлен тем, что именно мегаполисы, в частности, столицы государств выступают эпицентром возникновения активности социальных движений различной направленности: от политических, миграционных, национальных до возможных религиозных и пр. трансформаций.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Направленность процесса пост/де/секуляризации московской молодежи.* Социологический мониторинг религиозной обстановки мегаполиса ведется сотрудниками вышеуказанных академических институтов в течение 26 лет. В целом, можно говорить о «стабилизации» десекуляризации в столице. К 2021 году уровень религиозности населения практически вернулся к показателям двадцатилетней давности – 47% (1996 г. – 50%).

Отметим, что удельный вес убежденных верующих по результатам отбора эмпирических референтов продолжает снижаться с 2010 года. За эти годы степень религиозной «воцерковленности» жителей города сократилась в 2 раза.

Количественные показатели группы «колеблющихся между верой и неверием» остались на уровне 20%. Нерелигиозное население мегаполиса составляет 26% (11% – группа «неверующие» и 15% – «атеисты»).

Если среди москвичей соотношение религиозного и нерелигиозного населения к 2021 году составляет примерно 2:1, то

среди молодежи в возрасте 14-29 лет – это соотношение практически паритетное: 1:1 (см. Рисунок 1).

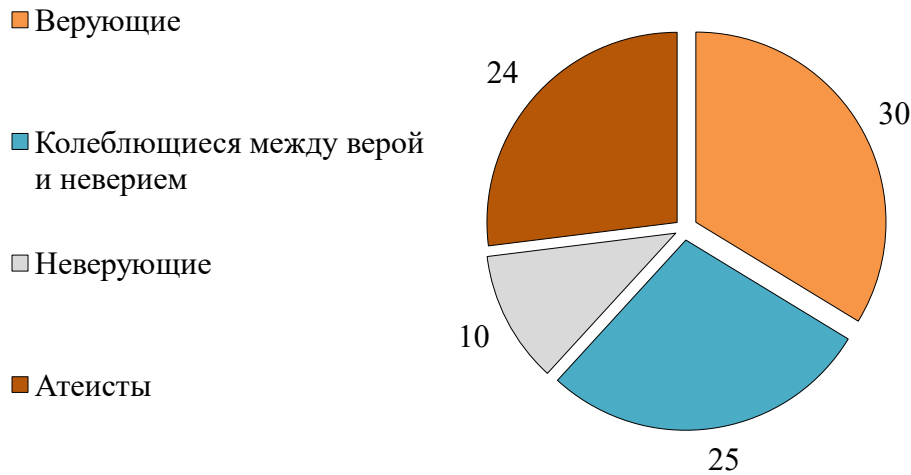

Рис. 1. Соотношение религиозных и нерелигиозных молодых москвичей в 2021 г. составляет 1:1 (% от числа опрошенной социальной группы)

Fig. 1. The ratio of survey and non-religious young Muscovites in 2021 is 1:1 (% of the number published in social groups)

Динамика изменения численности номинальных групп молодёжи г. Москвы в части отношения к религии за период

2008-2022 гг. приведена ниже (см. Рисунок 2 и Таблица):

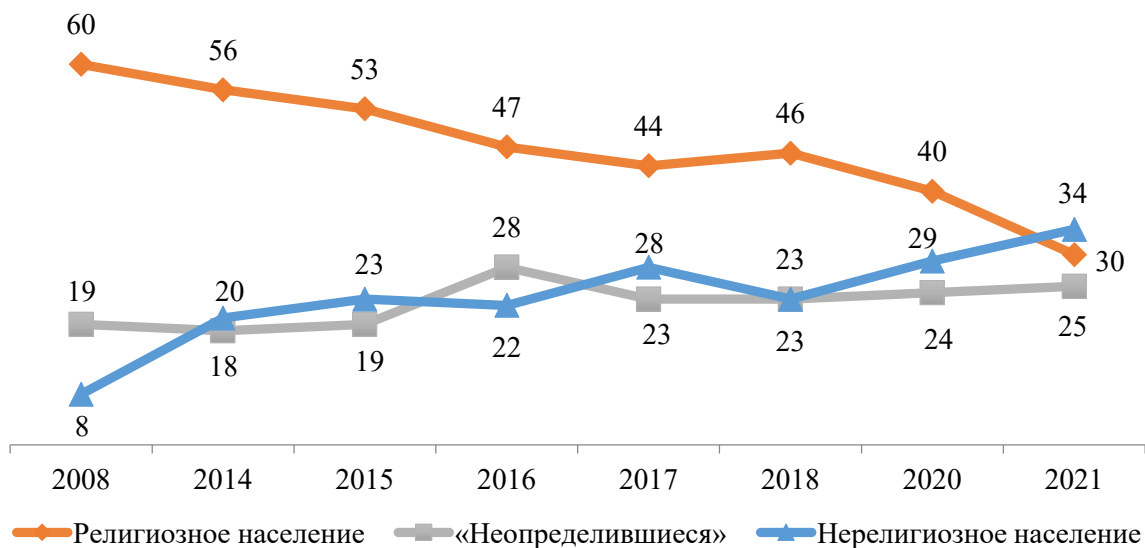

Рис. 2. Динамика пост/де/секуляризации московской молодёжи (2008-2021 гг.) (% от опрошенной социальной группы)

Fig. 2. Dynamics of post/de/secularization of Moscow youth (2008 - 2021) (% of surveyed social group)

Таблица

Уровень религиозности и атеистичности московской молодежи
в динамике за 14 лет (в % от опрошенной социальной группы)

Table

The level of religiosity and atheism of Moscow youth
in dynamics over 14 years (in % of the surveyed social group)

Типологические группы / Typological groups		Москва / Moscow							
		2008	2014	2015	2016	2017	2018	2020	2021
Религиозная молодежь	Верующие / religious	60	56	53	47	44	46	40	30
«Неопределив- шиеся»	Коллеблющиеся между верой и неверием / Hesi- tant between belief and unbelief	19	18	19	28	23	23	24	25
Нерелигиозная молодежь	Неверующие / non religious	5	9	8	11	11	13	16	10
	Атеисты / atheist	3	11	15	11	17	10	13	24
	Неверующие + атеисты / non religious + athe- ist	8	20	23	22	28	23	29	34

За последние 14 лет уровень религиозности по показателям религиозного сознания (самоидентификация и вера в Бога и другие сверхъестественные силы: соответственно 30% и 33% соответственно) в молодежной среде упал в два раза (2008 г. – 60%; 2021 г.

– 30%). Нерелигиозная молодежь «выросла» в 4 раза (группы «неверующие» + «атеисты»): 2008 г. – 8%; 2021 г. – 34%. Следует отметить, что в 2021 году в «атеисты» себя определили 24% опрошенной молодежи (см. Табл., Рис. 2).

К 2021 году 25% молодежи причислили себя к группе «колеблющихся между верой и неверием».

Удельный вес группы «неопределившегося» населения во всех исследованных регионах России за четверть века остался на уровне 20-21%.

С 90-х гг. прошлого века при измерении уровня религиозности группы «колеблющихся» нами не причисляются к религиозному населению. Религиозные мировоззренческие позиции постоянно трансформируются и модифицируются в результате кардинального изменения во всех направлениях жизнедеятельности российского общества и, в частности, в духовно-нравственной сфере. «Промежуточное состояние» религиозного сознания характеризуется мировоззренческой неопределенностью в оценке религиозной веры и отношения к религии и религиозным организациям. Незавершенность религиозного выбора – типичная черта мировоззрения «колеблющегося». Результаты последних мониторинговых данных Москвы показывают, что среди респондентов, идентифицирующих себя с «колеблющимися», 60% «допускают существование Бога или другой сверхъестественной силы, но не убеждены в этом» или «не верят в Бога и другие сверхъестественные силы». И пополнять религиозное население за счет «колеблющихся» вряд ли правомерно.

В 2022 году в ИДИ ФНИСЦ РАН были проведено углубленное исследование молодежных групп. Изучалась студенческая молодежь в нескольких субъектах РФ. Среди опрошенной молодежи московских ВУЗов (МГУ, МГИМО, РГСУ, ИПЭЭ РАН и др.) с неполным и высшим образованием показатели секуляризации (с использованием вышеизложенных методолого-методических принципов) еще выше: верующие – 27%, «колеблющиеся» – 23%, неверующие – 16%, атеисты – 26%. Нерелигиозная молодежь с высшим образованием «перекрывает» религиозную на 15%.

Таким образом, можно фиксировать, что продолжается отрицательная динамика десекуляризации или, иными словами, восстанавливается процесс секуляризации молодежи и населения мегаполиса в целом.

Возвращаясь к эмпирическим результатам пост/де/секуляризационного процесса, отметим, что схема социологического анализа для более полной характеристики молодого поколения предполагала рассмотреть три возрастные молодежные группы (14-18 лет, 19-24 года, 25-29 лет).

Уровень религиозности внутри изучаемых молодежных групп в Москве распределился между 2018 и 2021 году соответственно следующим образом:

- 32-26% верующих среди молодежи 14-18 лет;
- 43-9% верующих среди молодежи 19-24 года;
- 65-34% верующих среди молодежи 25-29 лет.

Религиозность за четыре года понизилась в каждой возрастной группе. Тенденция сохраняется: чем старше возрастная группа, тем выше уровень религиозности.

В группе «колеблющихся между верой и неверием» - обратно пропорциональную зависимость: чем моложе респондент, тем в большей степени у него незавершенность религиозного выбора. Сегодня типичной чертой мировоззрения «колеблющегося» является «промежуточное состояние» религиозного сознания:

- 39-26% «колеблющихся» в возрасте 14-18 лет;
- 21-24% «колеблющихся» в возрасте 19-24 лет;
- 13-22% «колеблющихся» в возрасте 25-29 лет.

Среди возрастных молодежных групп более секуляризирована средняя молодежная группа (в основном состоящая из студентов). Более трети этой группы нерелигиозная:

- 24-33% нерелигиозная молодежь в возрасте 14-18 лет;
- 30-36% нерелигиозная молодежь в возрасте 19-24 лет;

– 13-33 % нерелигиозная молодежь в возрасте 25-29 лет.

Показатели «воцерковленности» верующей молодежи всех возрастных групп значительно «отстает» от старшего поколения. Показатели и индикаторы: частота и религиозная мотивация включенности в различные религиозные ритуалы, обряды и праздники. Мотивы участия в религиозных обрядах и праздниках очень разнообразны. По религиозным мотивам совершают обряды от 8% в младшей возрастной группе до 19% – старшей. В большинстве случаев мотивы увязаны с семейными, родственными и национальными традициями. Об этом свидетельствуют следующее распределения ответов: «совершаю обряды по традиции, потому что у нас так принято (в семье, у родственников)» – от 61% до 35% соответственно; «эти обряды являются национальными традициями» – от 61% до 46%. Таким образом, чем моложе москвич, тем чаще его участие в религиозных праздниках имеет общекультурную направленность.

За 4 года на 6% во всех молодежных возрастных группах снизилась активность в постоянном совершении молитв: в 2008 году с 11-13% до 5-7% в 2021 году. Почти по всем показателям культового поведения за эти годы (исповедь, причастие, посты) религиозная активность упала до уровня статистической погрешности (1-4%). Частое посещение храмов (церковь, мечеть, молитвенный дом) у молодежи всех возрастных групп в 2021 году зафиксировано на уровне 6-7%.

Вполне закономерно, что население мегаполиса (26% от опрошенных) чаще участвуют в культовых ритуалах (обрядов и праздниках) по религиозным мотивам («необходимость выполнения религиозных предписаний», «поддержание регулярного религиозного взаимодействия с сообществом единоверцев») по сравнению с молодежью. Тем не менее, остальные показатели религиозного поведения практически совпадают со старшей возрастной молодежной группой.

Динамику снижения уровня религиозности москвичей по методолого-методическим принципам подтверждают эмпирические характеристики самооценки молодых респондентов при ответе на вопрос: «Изменялось ли Ваше отношение к религии и атеизму на протяжении жизни?» В 2021 году 5% молодых москвичей отметили индикатор: «Был неверующим, стал верующим» и 21% молодежной группы (14-29 лет) изменили свою мировоззренческую позицию в пользу атеизма: «Был верующим, стал неверующим».

На основании изложенного социологического материала можно делать *выводы не только о снижении уровня традиционной религиозности, но и степени «воцерковленности» молодежи мегаполиса*, характеризующейся, прежде всего, низкой культовой активностью, которая не превышает среди молодежи 7-8%. Религиозная активность населения в целом – на уровне 10-11%. Было определено, что самые распространённые мотивы проявления культовой деятельности обусловлены не религиозными, а этнокультурными факторами.

Следовательно, результаты мониторинговых социологических данных продолжают показывать постепенное снижение уровня религиозности и «воцерковленности» не только молодого поколения, но и населения столичного мегаполиса.

Внеконфессиональные религиозные ориентации молодежи московского мегаполиса. Социологические исследования, проведенные сотрудниками ИСПИ ФНИСЦ РАН и ИДИ ФНИСЦ РАН в последние годы в мегаполисе выявляют определенную часть среди населения и, в частности, молодежи, которую можно отнести к «внеконфессиональным» верующим. Значительная группа молодых москвичей, отвечая на вопрос принадлежности к какой-либо конфессии, отметили индикатор: «Верю в существование сверхъестественных сил, но ни к какой Церкви не принадлежу». Динамика роста религиозной «невоцерковленной», «внеконфессиональной»

молодежи за пять последних года увеличилась на 16%. Так, в 2017 году на данный показатель религиозного сознания ответило 14% молодежи московского мегаполиса, а в 2021 году – 30% (Рисунок 3). Именно

«внеконфессиональные» верующие, в первую очередь, проявляют интерес к восточным религиям, новым религиозным и мистическим учениям и практикам.

Вера молодежи в существование сверхъестественной силы

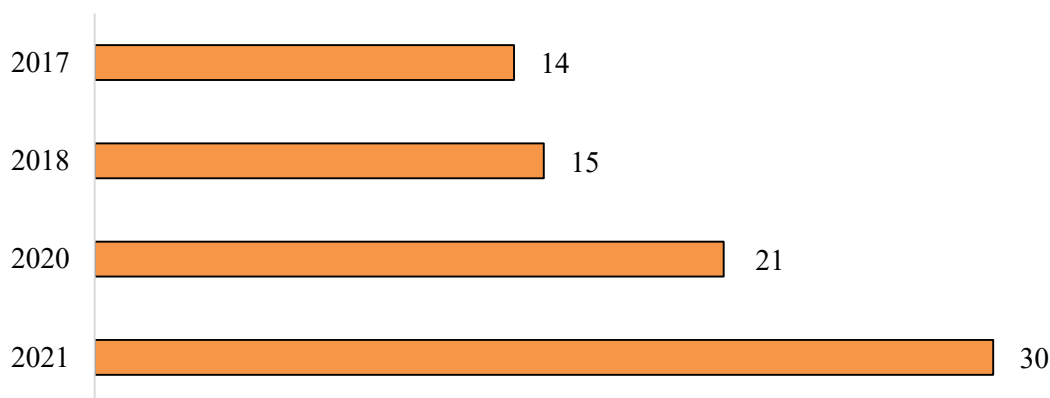

Рис. 3. Тезис: «Верю в существование сверхъестественной силы» (в % от числа опрошенных среди молодежи 14-29 л.), Москва, 2017, 2018, 2020, 2021 гг.

Fig. 3. Thesis: «I believe in the existence of a supernatural power» (in % of the number of respondents among young people aged 14-29), Moscow, 2017, 2018, 2020, 2021

Во времена глобальных цивилизационных кризисов, связанных с политическими, религиозными и общественными потрясениями, серьезными изменениями всемирной экономики, происходят, как мы уже отмечали, активный интерес молодежи к внеконфессиональным религиям, нетрадиционным религиозным, оккультным, мистическим учениям. Отметим, что распространение нетрадиционных религий в молодежных субкультурах, проникнутых религиозно-мистическими настроениями, способствует всесторонней трансформации социальной жизнедеятельности, в том числе потребностей и интересов молодого поколения.

С ростом недоверия к традиционным религиям возрастает интерес к восточным религиям и нетрадиционным религиям среди населения и в молодежной среде (Балагушкин, 1999), (Балагушкин, Шохин,

2006: 62-78), (Toffler, 1980), (Roszak, 1976), (Баркер, 1997), (Дворкин, 2002), (Кублицкая, Франчук, 2018: 227-242)¹.

Заключение (Conclusions). В целом направленность религиозной обстановки московского мегаполиса можно оценивать в сторону пост/де/секуляризационного процесса, для которого характерно размывание границ между религиозным и секулярным сознанием: снижением уровня и степени религиозности с повышением атеистических настроений.

Социологический мониторинг показывает, что в настоящее время меньше половины московской молодежи можно считать религиозной. На протяжении последних пятнадцати лет этот показатель сократился в два раза до уровня 30%. Нерелигиозная молодежь Москвы увеличилась в 4 раза и составила 34%. «Размытость» рели-

¹ В России запретили Каббалу. Newsland.com [сайт]. URL: <https://goo.su/iWv7> (дата обращения 27.08.2022); Верховный суд запретил «Свидетелей Иеговы» в России. Rbc.ru

[сайт]. URL: <https://goo.su/i4o6x> (дата обращения 27.08.2022).

гиозных представлений верующей молодежи свидетельствуют о том, что данная социальная группа не слишком четко представляет себе то, во что она верит и слабо соотносит как традиционные, так и нетрадиционные религиозные догматы со своими жизненными ценностями, целями и мировоззренческими позициями. Полученные эмпирические показатели традиционной религиозности доказывают серьезный разрыв между религиозностью, выраженной на вербальном уровне, с одной стороны, и более строгими установками религиозного сознания, и регулярными практиками религиозного поведения, которые должны быть присущи воцерковленным верующим. Доля последних в структуре молодежных групп оказывается небольшой и колеблется на протяжении последнего времени в пределах 6-7%.

На основании социологического анализа можно фиксировать, *не только постепенное снижение уровня традиционной религиозности, но и степени «воцерковленности» молодежи мегаполиса.* Отметим важное: наиболее распространённые причины проявления культовых религиозных действий обусловлены этнокультурными, нежели собственно религиозными факторами.

Следовательно, анализ социологических данных последних лет продолжает выявлять тенденцию постепенного снижения уровня традиционной религиозности и «воцерковленности» молодого поколения столичного мегаполиса.

В то же время, доля религиозной «вневоцерковленной» молодежи за пять лет увеличилась на 16%. Именно «внеконфессиональные» верующие, в первую очередь, проявляют интерес к восточным религиям, новым нетрадиционным религиозным, оккультным и мистическим учениям и практикам. Это является продолжением более долгосрочного тренда, когда религиозный «возрождение» в постсоветские годы постепенно сменяется более умеренным и критичным отношением к традиционным конфессиям, религиозным организациям.

Можно фиксировать продолжение отрицательной динамики в развитии десекуляризации или, иными словами, восстанавливается процесс секуляризации молодежи и населения мегаполиса.

Список литературы

- Андреева Л. А., Андреева Л. К. Религиозность студенческой молодежи. Опыт сопоставления с религиозностью россиян // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 95-98.
- Балагушкин Е. Г. Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ. М.: ИФ РАН, 1999. 245с.
- Балагушкин Е. Г., Шохин В. К. Религиозный плюрализм в современной России: новые религиозные движения на постсоветском этапе // Мир России. 2006. № 2. С. 62-78.
- Баркер А. Новые религиозные движения. СПб: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1997. 284 с.
- Возьмитель А. А. Социология религии в России: проблемы и перспективы // Социологические исследования. 2007. № 2. С. 110-117.
- Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Изд. 3-е, перераб. и доп. Нижний Новгород, 2002. 502 с.
- Гаврилов Ю. А., Кофанова Е. Н., Мчедлов М. П., Шевченко А. Г. Конфессиональные особенности религиозной веры и представлений о её социальных функциях // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 46-56.
- Гараджа В. И. Социология религии. М.: ИНФРА-М, 2007. 348 с.
- Дубоград Е. В. Религиозность военнослужащих России // Социологические исследования. 2007. № 7. С. 130-136.
- Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЦСП и М, 2016. 367 с.
- Ивлева М. Л., Курилов С. Н., Россман В. И. Религиозные ценности глазами молодежи: опыт социологического исследования // Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ. 2018. Т. 18. № 3. С. 481-493.
- Кублицкая Е. А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5. С. 95-103.
- Кублицкая Е. А. Особенности религиозности в современной России // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 96-107.

Кублицкая Е. А., Франчук Д. В. Нетрадиционные религии и эзотерические учения в жизни московской молодёжи (социологический опыт) // *Секуляризация в контексте изменения религиозных трансформаций современного общества* (под ред. Глазьева С.Ю., Рязанцева С.В., Кублицкой Е.А. Серия «Демография. Социология. Экономика». М.: Изд-во Экономинформ, 2018. Т. 4. № 4. С. 227-242.

Лебедев С. Д. Отношение учащейся молодёжи к религии // *Социологические исследования*. 2007. № 7. С. 87-97.

Лебедев С. Д. Виртуализация религиозного сообщества как ключ к пониманию эволюции социологических концепций религиозности // *Концепт: философия, религия, культура*. 2020. № 4(3). С. 85-104.

Лопаткин Р. А. Социология религии в России: опыт прошлого и современные проблемы / Приложение к журналу. Рубрика: К 80-летию со дня рождения Ремира Александровича Лопаткина. Цикл статей // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. М.: РАНХ и ГС при Президенте РФ. 2010. Т. 28. № 4. С. 266-272.

Локосов В. В., Синелина Ю. Ю. Взаимосвязь религиозных и политических ориентаций православных россиян. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Lokosov.pdf> (дата обращения 01.09.2022).

Мчедлов М. П. Религиоведческие очерки. Религия в духовной и общественно-политической жизни современной России. М.: Научная книга, 2005. 448 с.

Угринович Д. М. Введение в теоретическое религиоведение. М.: Мысль, 1976. 240 с.

Чеснокова В. Ф. Тесным путем: Процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический Проект, 2005. 304 с.

Яблоков И. Н. Социология религии. М.: Мысль, 1979. 182 с.

Roszak Th. *The Making of a Counter Culture*. University of California Press, 1969. 313 p.

References

Andreeva, L. A., Andreeva L. K. (2010), "The religiosity of student youth. The experience of comparison with the religiosity of Russians", *Sociological Studies*, (9), 95-98. (In Russian).

Balagushkin, E. G. (1999), *Netraditsionnye religii v sovremennoj Rossii: morfologicheskij analiz* [Non-traditional Religions in Modern Russia:

Morphological analysis], IF RAN, Moscow, Russia, 245. (In Russian)

Balagushkin, E. G., Shohin, V. K. (2006), "Religious pluralism in modern Russia: new religious movements at the post-Soviet stage", *Universe of Russia*, (2), 62-78. (In Russian)

Barker, A. (1997), *Novye religioznye dvizheniya* [New religious movements], Saint-Petersburg, Russia, 284. (In Russian)

Voz'mitel', A. A. (2007), "Sociology of religion in Russia: problems and prospects", *Sociological Studies*, (2), 110-117. (In Russian)

Dvorkin, A. L. (2002), *Sektovedenie. Totalitarnye sekty. Opyt sistematicheskogo issledovaniya* [Sectology. Totalitarian sects. Experience of systematic research], N. Novgorod, Russia, 502. (In Russian)

Gavrilov, Yu. A., Kofanova, E. N., Mchedlov, M. P., Shevchenko, A. G. (2005), "Confessional features of religious faith and ideas about its social functions", *Sociological Studies*, (6), 46-56. (In Russian)

Garadzha, V. I. (2007), *Sotsiologiya religii* [Sociology of Religion], Moscow, Russia, 348. (In Russian)

Dubograj, E. V. (2007), "Religiosity of Russian military personnel", *Sociological Studies*, (7), 130-136. (In Russian)

Zhiznennyj mir rossijan: 25 let spustya (konets 1980-h – seredina 2010-h gg.) [The Life world of Russians: 25 years later (late 1980s - mid 2010s)] (2016), in Zh.T. Toshchenko (ed.), CSP i M, Moscow, Russia, 367. (In Russian)

Ivleva, M. L., Kurilov, S. N., Rossman, V.I. (2018), "Religious values through the eyes of youth: the experience of sociological research", *RUDN Journal of Sociology*, 18(3), 481-493. (In Russian)

Kublitskaya, E. A. (1990), "Traditional and non-traditional religiosity: the experience of sociological study", *Sociological Studies*, (5), 95-103. (In Russian)

Kublitskaya, E. A. (2009), "Features of religiosity in modern Russia", *Sociological Studies*, (4), 96-107. (In Russian)

Kublitskaya, E. A., Franchuk, D. V. (2018), "Non-traditional religions and esoteric teachings in the life of Moscow youth (sociological experience)", *Sekulyarizatsiya v kontekste izmereniya religioznyh transformatsij sovremennogo obshchestva* [Secularization in the context of measuring religious transformations of modern society] in Glaz'ev S.YU., Ryazantseva S.V., Kublitskoy E.A.

(ed), Ekonom-inform, Moscow, Russia, 4 (4), 227-242. *(In Russian)*

Lebedev, S. D. (2007), "The attitude of students to religion", *Sociological Studies*, (7), 87-97. *(In Russian)*

Lebedev, S. D. (2020), "Virtualization of the religious community as a key to understanding the evolution of sociological concepts of religiosity", *Concept: philosophy, religion, culture*, 4 (3), 85-104. *(In Russian)*

Lopatkin, R. A. (2010), "Sociology of religion in Russia: past experience and current problems", *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad], Moscow, Russia, 28 (4), 266-272. *(In Russian)*

Lokosov, V. V., Sinelina, Yu.Yu. "Interrelation of religious and political orientations of Orthodox Russians" [Electronic], available at: <http://www.civisbook.ru/files/File/Lokosov.pdf> (Accessed 01 September 2022). *(In Russian)*

Mchedlov, M. P. (2005), *Religiovedcheskie ocherki. Religiya v dukhovnoj i obshchestvenno-politicheskoj zhizni sovremennoj Rossii* [Religious studies essays. Religion in the spiritual and socio-political life of modern Russia], Moscow, Russia, 448. *(In Russian)*

Ugrinovich, D. M. (1976), *Vvedenie v teoreticheskoe religiovedenie* [Introduction to theoretical religious studies], Moscow, Russia, 240. *(In Russian)*

Chesnokova, V. F. (2005), *Tesnym putem: Protsess votserkovleniya naseleniya Rossii v kontse XX veka* [In a close way: the process of church formation of the population of Russia at the end of the XX century], Moscow, Russia, 304. *(In Russian)*

Yablokov, I. N. (1979), *Sotsiologiya religii* [Sociology of Religion], Moscow, Russia, 182. *(In Russian)*

Roszak, Th. (1969), *The Making of a Counter Culture*, University of California Press, 313.

Статья поступила в редакцию 05 сентября 2022 г. Поступила после доработки 14 сентября 2022 г. Принята к печати 15 сентября 2022 г.

Received 05 September 2022. Revised 14 September 2022. Accepted 15 September 2022.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Кублицкая Елена Александровна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Отдела этнодемографических, религиозных и интеграционных процессов Института демографических исследований – обособленного подразделения Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Elena A. Kublitskaya, PhD in Philosophy, Leading Researcher of the Department of Ethnodemographic, Religious and Integration Processes of the Institute of Demographic Research, a separate subdivision of the Federal State Budgetary Institution of Science, Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.